

Не бывшая жена миллионера

Автор:

Майя Бессмертная

Не бывшая жена миллионера

Майя Бессмертная

Пять лет назад я ушла из его дома, хлопнув дверь. Вычеркнула из своей жизни, став независимой. Раскрутила свой маленький бизнес, старательно выкидывая из головы все мысли о бывшем муже. Но однажды он вернулся для того, чтобы вновь подчинить себе...

Майя Бессмертная

Не бывшая жена миллионера

Глава 1

Вероника

- Добрый день, девушка, вы не могли бы составить букет из белых роз?

Звонкий, чуть надменный женский голос настигает меня у кадки со свежесрезанными розами, и я моментально поворачиваюсь на звук. Навешиваю на лицо самую спокойную улыбку, впериваясь взглядом в длинноногую шатенку.

– Да, разумеется. С чем вы хотите их скомбинировать?

– Ой, да всё равно. Лишь бы смотрелось прилично.

Она небрежно делает взмах рукой, закатывая глаза. Делает вид, что ей совершенно безразлична судьба букета и его ценовая категория.

Ещё бы!

У таких, как она, рождённых в золотой колыбели, небось, всё легко давалось с детства. Получалось словно по мановению волшебной палочки, без особых усилий.

А ведь мы с ней, наверное, одного возраста.

Только я – в замызганном, перепачканном землёй фартуке флориста, практически без макияжа, а она – в дорогом чёрном платье-футляре, обвешанная с ног до головы золотыми украшениями. Да ещё и тёмный лакированный «Бентли», натёртый до блеска, приветливо мигает фарами прямо у окна моего салона.

Ну, и кого предпочтёт принц?

Разумеется, у этой феи должен быть самый красивый мужчина на Земле. Сексуальный и богатый. Добрый и мужественный. А мой потолок – разведённый бизнесмен средней руки.

Ни больше, ни меньше.

Одна маленькая деталь – я замужем.

Правда, развод я так до конца и не оформила, потеряв бывшего мужа из поля зрения около пяти лет назад. Но всё же, давно считаю себя необременённой семейным положением успешной женщиной, строящей свой цветочный бизнес практически с нуля.

– Хорошо, подскажите, для какого торжества вы покупаете букет? Мне так будет легче определиться.

– Для мужчины. Поздравление с удачной сделкой.

– Понимаю...

Собираюсь, делая стойку как охотничья собака, на новых, только что всплывших подробностях подарка. Приподнимаю уголки губ, осторожно делая шаг в направлении шикарных, недавно доставленных со склада, гладиолусов:

– Для мужчины больше подойдёт букет из синих или фиолетовых гладиолусов. Посмотрите на эти растения – в переводе они означают «меч», или «маленький кинжал» и специализируются именно как мужские цветы.

– Заверните!

Шатенка не дала мне даже договорить, вытаскивая из сумочки платиновую кредитку. Я спокойно киваю, начиная вытаскивать из вазы синие гладиолусы, цепляя их за толстые гладкие стебли.

Девушка нервно постукивает пальцами по столешнице, выбивая какой-то замысловатый ритм, и я понимаю, что внутри она страшно нервничает.

Колокольчик над дверью мелодично звякает, потонув в бархате мужского взвинченного голоса.

– Регина, ну где ты ходишь?

Обжигающее ощущение сдавливает грудь, и я машинально разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов. Сканирую вошедшего, поражённо замирая на месте.

Сердце грохочет в груди как товарный поезд, норовящий сойти с рельсов. Бьётся об рёбра, заглушая все мысли, появляющиеся в моей бедной голове. Глаза расширяются от удивления, а по рукам начинают бежать мельчайшие искры колючих разрядов.

Сколько раз я представляла себе эту встречу.

Лелеяла мечту, что всё будет играть в мою пользу. Что я пройду мимо него с высоко поднятой головой. Красивая, статная, успешная. Непременно под ручку с каким-то шикарным мужчиной. А он будет вынужден отойти в сторонку и лишь смотреть мне вслед, глотая злые слёзы. Будет жалеть, что потерял меня.

Упустил, не дав раскрыться по-настоящему.

Но наяву всё иначе.

Я – со свежесрезанными гладиолусами в руках, которые предназначены именно для него, в статусе обслуживающего персонала. Перемазанная землёй замарашка, с обычным «хвостом» на голове.

А он – одетый с иголочки, в дорогом костюме, сшитом явно на заказ. На его запястьях часы дорогой марки, а в зажиме для галстука искрятся настоящие бриллианты. Он одуряющее пахнет дорогим парфюмом и спокойно прищуривается, глядя на меня.

– Вероника? Вот так встреча. Не ожидал...

– Здравствуй.

Опускаю глаза, продолжая составлять красивый букет из благородных цветов. Скольжу пальцами по гладким стеблям, аккуратно складывая из них завершённую композицию.

Получается плохо – видно, нервы сдают.

Надеюсь, теперь его девушка не передумает оплачивать букет?

Внутри всё дрожит от осознания того, что он рядом. Стоит в паре метров от меня, скрестив руки на груди, и напряжённо дышит. Словно обдумывает сложившуюся ситуацию.

Я чувствую мятное дыхание, смешанное с терпким ароматом мускатного парфюма и еле слышно сглатываю слюну. А он не изменился за эти пять лет. Тот же благородный блеск в глазах, та же стать, тот же парфюм. Только на висках прибавилось немного седины и мне очень хочется думать, что это – из-за меня.

Но это не так. Я знаю, я чувствую, потому что Никита не искал меня все эти годы. Просто дал уйти, устав от непонимания. Начал новую жизнь. Ещё успешнее, чем ранее.

Без меня.

Поднимаю глаза на шатенку, которая смотрит на нас с непониманием. Терпеливо спрашиваю:

– Какого цвета лентой перевязать?

– Жёлтой! Нет...

Запинается, оборачиваясь к спутнику. Заискивающе улыбается, растягивая на губах милую улыбочку, больше похожую на оскал опасной хищницы.

– Никита, ты какой цвет предпочитаешь?

– А?

Он словно отмирает. Вздрагивает, поднимая на меня свой пронизательный спокойный взгляд. Елозит по моему лицу, цепляя морщинки от усталости под глазами и минимум косметики.

Хмурится.

– Какой цвет?

Обращается уже ко мне.

– Вероника, неужели забыла?

Я упираю глаза в столешницу и прикусываю губу, стараясь не выдать своего нервного напряжения.

Забыла ли я? Боже, да конечно же, нет.

Как я могла?

Никита был моим первым и единственным мужчиной. Самым лучшим и невероятно любимым. Поэтому он и стал моим мужем всего спустя три месяца после знакомства. Я знала о нём всё. Могла вскочить с утра пораньше, чтобы приготовить ему его любимый омлет с помидорами. Всегда провожала на работу, собирала контейнеры с едой, чтобы он не питался в дешёвых столовых и ждала до позднего вечера его возвращения.

И конечно я не забыла, какой его любимый цвет.

– Зелёная лента закончилась.

Вздёргиваю подбородок, отпихивая моток глянцевой ленты цвета молодой листвы второй рукой, роняя её на пол. Изображаю на лице самое страдальческое выражение.

Вот, пусть так. Маленькая месть, а всё равно приятно.

– Возьмите оранжевую.

Любезно протягиваю катушку с яркой лентой его спутнице. Замечаю, как по породистому лицу Антонова ползёт раздражение, и мысленно упиваюсь этим.

Прекрасно ведь знаю, как ненавистен ему этот оттенок. Пусть радуется. Подарок же.

– Ой, да, давайте!

Девушка хлопает в ладоши, принимая от меня громоздкий букет, составленный по всем правилам флористики, и торжественно вручает его мужчине. Хлопает нарощеными ресницами, переходя на какой-то интимный шёпот:

– Это тебе, дорогой.

– С какой стати?

Никита хмурится. Втягивает со свистом раскалившийся воздух и переводит грозный взгляд на меня. Он не привык получать букеты, равно как и дарить, считая цветы ничего не значащей травой, которая не приносит никакой пользы.

Хотя он так считал раньше. Пять лет назад, будучи в браке.

Равнодушно пожимаю плечами, отходя в сторону.

Продолжаю наблюдать за немой сценой, чувствуя какое-то горькое сожаление.

Мне ни разу не доводилось дарить мужу цветы. Он отлично знал, что я устала от ведения домашнего хозяйства и хотела бы попробовать себя в каком-нибудь бизнесе, но всегда противился этому. Слышать не хотел о флористике, считая выращивание цветов и составление букетов пустой тратой времени.

Считал, что место женщины – у плиты и в детской комнате, а по ночам – в спальне, не больше.

Наверное, поэтому у нас ничего не вышло. Загнанная в угол постоянной глажкой его фирменных рубашек и приготовлением обедов, я просто не могла дышать свободно. В спальне начались проблемы, а регулярно приходящие месячные и отсутствие крохотного продолжения рядом добавляли мне ещё больше нервозности. Осознания, что всё идёт не так.

Но вот теперь он здесь, держит в руках составленный мной букет гладиолусов, и я вижу, как он начинает медленно взрываться, не смотря на присутствие новой девушки рядом.

– Регина, объяснишь, наконец?

– Ну, ты же подписал этот контракт с японцами? Вот, поздравить тебя захотела.

Шатенка трясёт завитыми кудрями, соблазнительно улыбаясь, и кладёт изящную ладонь на мужское плечо. Чуть наклоняет голову, стараясь выглядеть при этом ещё сексуальнее, как восковая кукла.

- Не подписал.

Рычит, обращаясь ко мне.

- У меня возникли кое-какие проблемы из-за бывшей жены.

Пронимает меня горящим, каким-то ядовитым взглядом.

- Это замечательно, что ты попала на моём пути именно сегодня - не придётся тратить время на твои поиски. Вероника, мне нужно с тобой поговорить. Прямо сейчас.

На мои поиски он не хотел тратить время?

Говорит это с таким пренебрежением, как будто речь идёт о ничего не значащей вещи. Старой футболке, например.

Наверное, в системе ценностей Антонова я всегда стояла именно там - где-то между выцветшей, но уютной футболкой и детским велосипедом, отдающимся в груди ярким воспоминанием.

Вроде и не нужные вещи, а выкинуть жалко.

- Я не могу сейчас. Простите. Нужно выполнить один заказ, скоро клиентка придёт.

Вздёргиваю подбородок вверх, стараясь говорить как можно равнодушной. Делаю акцент на этом подчёркнуто - вежливом «вы», надеюсь больнее уколоть Антонова.

Поставить его на место.

Под его твёрдым взглядом становится неуютно – как-то чересчур горячо. По спине начинает стекать липкий пот, и я делаю шаг назад.

Перевожу взгляд на шатенку, как бы умоляя увести этот оживший плод моих эротических фантазий подальше. Понимаю, что своими карими глазами Никита вновь умудряется зажечь во мне что-то былое. Пройденное и давно похороненное под слоем обид.

И я не могу этого допустить.

Я только начала жить снова. Задышала свободно, занимаясь любимыми цветами в купленном мною крошечном магазинчике. Раскрутилась, обросла постоянными клиентами, оставляющими хвалебные отзывы на моём сайте.

И я не позволю ему снова всё испортить.

Ныряю под прилавок, прикрывая глаза.

Очень надеюсь, что недовольный отпором, бывший муж уйдёт. Исчезнет навсегда. Растворится в воздухе вместе со своей новой пассией.

– Я подожду тебя в машине, Вероника.

Бархатный, с нотками стали голос раздаётся совсем близко. Я поднимаю глаза – муж стоит рядом, смотря на меня свысока своего почти двухметрового роста. Нагло ухмыляется.

Бросает только что составленный букет на прилавок, выдыхая в меня облачко мятного воздуха.

– Не нужно, я намерена задержаться.

Вскакиваю на ноги, загораясь от смущения. Даже на каблуках, стоя рядом с ним, я кажусь малышкой. Крошечной и хрупкой, как и пять лет назад.

Он нагибается, поднимая с пола моток зелёной ленты. Вкладывает его в мои ладони, переходя на вкрадчивый баритон:

- Ты никогда не умела лгать, мышка.

Я дёргаюсь, словно получила оплеуху. Дрожу от этого наглого, проникающего под моё тонкое ситцевое платье, взгляда. Уверена, что он раздевает меня сейчас глазами. Ощупывает всё то, что скрыто от его настойчивых глаз. Анализирует, как я изменилась за эти пять лет.

- А как же я, Антонов?

Шатенка закусывает припухлую губку, смотря на меня с неприкрытой неприязнью. Нервно тербит тонкими наманикюренными пальчиками ремешок на фирменной сумке.

- Поезжай домой. Я наберу тебя.

Отворачивается, оставляя Регину вспыхнуть от гнева. Она подпрыгивает на месте, как от удара током, наваливаясь на прилавок. Шипит разъярённой кошкой:

- Знаешь что, Антонов? Это переходит всякие границы!

- Да ладно?

Бровь Никиты описывает дугу, взлетая к потолку. Иронично выгибается.

- Я и так спускаю с рук слишком многое! Терплю, когда ты обращаешься со мной как с идиоткой, но терпеть твои подкаты к другой женщине я не намерена!

- Проваливай.

Он пожимает плечами, разворачиваясь ко мне. Сканирует рентгеновским взглядом, явно намереваясь продолжить наш разговор.

- Мерзавец!

Роскошный букет, оказавшийся в руках разъярённой фурии, с треском обрушивается на затылок Никиты. Заставляет его втянуть голову в плечи, не ожидая нападения.

Я отшатываюсь к стене, окидывая взглядом магазинчик.

Чёрт, она сейчас всё тут разнесёт!

С болью замечаю взмывшие в воздух сине-фиолетовые лепестки свежесрезанных гладиолусов и прыгаю в гущу событий, хватая Регину за запястье правой руки.

Она неожиданно останавливается.

Замирает, вздрагивая от моего цепкого прикосновения, и тут же принимается визжать. Выхватывает из напольной вазы кроваво-красные розы на толстых стеблях, принимаясь с ожесточением опускать их на спину Никиты, оставляя затяжки на его дорогом пиджаке острыми шипами.

– Идиотка!

Он, наконец-то, перехватывает инициативу. Ломает розы, отбрасывая их в сторону, и запрокидывает девушку себе на плечо, словно мешок картошки.

Бесноватая продолжает опускать на мощную спину точные удары, лупя с остервенением по мускулистому телу, но Антонов не замечает этого.

– Мы не закончили, Вероника.

Кивает в мою сторону, гадко при этом усмехаясь. Чуть наклоняет подбородок в знак прощания.

Распахивает дверь ногой, вынося свою девушку из моего магазинчика. Оставляет меня посреди погрома, больше напоминающего поле боя.

Чёрт. Вот зачем он снова появился?

Чтобы снова всё разрушить?

Глава 2

Вероника

Выдыхаю, проворачивая ключ в замке.

Один раз. Второй.

Скрежет ключа приносит облегчение. Надежду на спокойный вечер.

Хорошо...

Можно заказать роллы с курьерской доставкой. Или пиццу. Без разницы. Выпить пару бокалов вина. Расслабиться, наконец. Включить какую-нибудь мелодраму – отвлечься. Пореветь над чужой жизненной ситуацией, чтобы не вспоминать о своей.

Этот день нельзя было назвать лёгким, но я определённо справилась. Смогла собраться после появления бывшего мужа.

После атаки Регины мне ещё пришлось составить два букета для одной капризной клиентки, непременно желающей видеть внутри каждого несколько штук красных роз. И, как назло лучшие из образцов погибли в неравной схватке со спиной Антонова. Отправились гнить на свалку.

Пришлось объяснять, что поставки роз неожиданно сорвались из-за одной сумасбродной дамочки, которая разнесла полмагазина, и, после долгих уговоров, клиентка согласилась на их замену.

Правда, требовала с меня совсем немаленькую скидку. Ушла, громко хлопнув дверью, как будто я собственноручно испортила ей жизнь.

Бывают же такие вредные!

Мне отчаянно хотелось позвонить бывшему мужу и потребовать от него возмещения убытков. Высказать Антонову всё, что я думаю о его внезапном появлении в моей жизни. Попросить больше никогда не показываться на пороге моего цветочного салона.

Но я вовремя остановилась. Вспомнила, что удалила все его контакты из записной книжки. Постаралась забыть обо всём, что напоминало о нём. И поклялась больше никогда не искать с ним встреч.

Так что не стоит. Хватит с меня.

Каждое его появление в моей жизни и так слишком дорого обходится моим нервам. Я и сейчас после этого разговора похожа на натянутую струну. Выжата, как лимон.

Жаль только, что теперь он знает, где меня найти. Сможет, в случае чего, снова наведаться.

Но, я надеюсь, этого не случится.

Ну, не идиот же он, наконец, чтобы вновь вызывать ревность у своей пассии. Найдёт себе новый цветочный салон, где можно будет вдоволь поиздеваться над флористом.

Опускаю ключ в карман, поправляя ремень кожаной сумочки на плече. Отрывисто выдыхаю, пытаюсь справиться с отчего-то нарастающим волнением. Чувствую обжигающий взгляд между лопаток. Нервно веду плечами.

Нет – нет, показалось...

– Привет.

Чарующий голос, который я с лёгкостью узнала бы из нескольких тысяч других, раздаётся за спиной. Вызывает мурашки во всём организме. Парализует.

Оборачиваюсь. Моргаю часто-часто при виде широкоплечей фигуры не бывшего мужа. Надеюсь, что противное видение исчезнет. Распадётся на атомы.

Но оно приближается. Проходится по мне оценивающим взглядом, в котором сквозит что-то ледяное. Пробирающее до костей.

– Что тебе нужно, Антонов?

Эта фраза звучит слишком холодно из моих уст, и я не узнаю себя.

Выдыхаю, осознавая, что уже слишком давно не произносила эту фамилию в таком ключе. Привыкла отождествлять её только с собой, стараясь забыть, что когда-то приняла её в ЗАГСе от некогда любимого мужчины. Обменяла на девичью.

– Я же уже говорил – мне нужно с тобой поговорить.

– Прости, мой рабочий день выдался трудным по вине одной известной тебе психопатки, и у меня совершенно нет сил на разговоры.

Качаю головой, пытаюсь просочиться мимо мужчины.

Он властно ловит меня за локоть, притягивая к себе. Обдувает мятным дыханием, перекаывая во рту жвачку. Привычным жестом откидывает волосы со лба.

Картинным. Хорошо отработанным.

– Подожди, Вероника.

Смотрит совершенно спокойным взглядом, от которого у меня начинает громко ухать сердце, ударяясь об рёбра.

– Что ещё?

Устало выдыхаю, подбочениваясь. Вздёргиваю подбородок вверх.

– Явился, чтобы испортить оставшиеся цветы?

Впиваюсь в него решительным взглядом цепких глаз. Громко выкрикиваю и слегка напрягаюсь в ожидании ответа. Придумываю следующую колкость.

Он медленно качает головой. С его лица моментально слетает какое-то напряжение. Сменяется тоской в кофейных глазах.

– Я не такой тиран, как ты думаешь.

– Я не думаю, я – знаю!

Мой голос звучит ровно, даже не дрожит. Упрямо сверлю Никиту взглядом, надеясь прожечь в его породистой физиономии чёрную дыру. Отлепляю властные пальцы от своей руки.

Он смотрит на меня устало, с интересом. В тёмных глазах цвета дорогого коньяка нет вражды. Скорее – тоска.

Но я сжимаю губы в плотную линию. Держусь изо всех сил, чтобы не поверить ему снова. Меня этими невинными глазками больше не проймёшь. Не задобришь.

Выдыхаю отчётливо, чтобы он расслышал каждую сказанную букву. Чётко уяснил на будущее.

– Проваливай, Антонов. Забудь меня.

Он странно смотрит на меня, как будто обдумывает что-то. Дыхание предательски сбивается. Сердце пропускает болезненный удар.

– Я отвезу тебя домой.

– Спасибо, но я привыкла добираться на автобусе. Так спокойнее, знаешь ли.

Он хмыкает чуть насмешливо, наклоняя голову на бок.

Изучающе проводит взором по моему лицу, отмечая, голову даю на отсечение, проклюнувшиеся носогубные морщинки и мелкую паутинку под глазами. Замечает пару седых волосков, которые я всё никак не могу сходить закрасить.

–Что, у известной бизнес-вумен в области флористики нет денег на автомобиль?

– Знаешь, что?

Я почти шиплю, напоминая по накалу страстей масло на раскалённой сковородке. Сжимаю руки в кулаки, готовясь к нападению.

Понимаю, что со стороны мы выгладим глупо. Как подростки. Но я больше не хочу иметь с Антоновым ничего общего. Хочу отстоять свою независимость.

– Я просто не могу найти время, чтобы сдать на права. А рассекать по городу без документов – не самая хорошая идея, не находишь?

– Возможно.

Он пожимает плечами, подталкивая меня к чёрному лакированному монстру с титановыми дисками. Коротко щёлкает брелком сигнализации, делая приглашающий жест ладонью.

– Нет.

Коротко выдыхаю. Вижу, как он сокращает расстояние между нами до минимума. Приподнимает уголки губ в наглой ухмылке.

– Могу на руках донести до автомобиля, хочешь? Как тогда, на свадьбе, когда я перенёс тебя через всевозможные мосты в погоне за этими идиотскими приметам.

Мы встречаемся взглядами. Никита замолкает, ожидая ответа. Я выставляю ладонь вперёд, ставя защиту. Кажусь себе жалкой, не в силах противостоять бывшему мужу, но ничего не могу поделать. Понимаю, что лучше пойти самостоятельно, чем он потащит меня на руках через всю парковку.

– Я сама.

Отмираю. На ватных ногах подхожу к автомобилю, забираясь во внутрь. Быстро пристёгиваюсь. Вдыхаю аромат кожи, вжимая затылок в подголовник. Этот запах определённо ему подходит. Такой же терпкий, с тонкими нотками изящества.

Краем глаза слежу за Никитой, настраивающего волну радиостанции.

Какого чёрта ему нужно?

Пять лет он не вспоминал обо мне. Позволил уйти в неизвестность, даже ни разу не поинтересовавшись, как живётся бывшей жене. Просто исчез. Вычеркнул меня из своей жизни, когда я собрала чемодан и тихо ушла из дома.

Втайне я всегда надеялась, что он найдёт меня. Приедет. Попросит вернуться. Ведь я особо не пряталась – просто поселилась в крошечной однушке, доставшейся мне в наследство от бабушки и стала жить так, как хотела все эти годы, проведённые в рабстве у Антонова.

Но он не объявился. Не приехал и даже не позвонил. Видимо, мультиварка, робот-пылесос и стиральная машина с лёгкостью смогли меня заменить.

Автомобиль тихо шурша шинами выехал с парковки, выезжая на оживлённую магистраль. Я прикрыла глаза. Разговаривать абсолютно не хотелось. Вспоминать всё это. Вновь окунуться в прошлое.

Но и Никита молчит. Сделал музыку погромче, видя, что меня его персона несколько не интересует, и принялся мурлыкать себе под нос какую-то незамысловатую мелодию.

Поворот. Ещё один. Светофор.

Приоткрываю правый глаз, впериваясь взглядом в проплывающие мимо тихие вечерние улочки. Осознаю, что Антонов, не смотря на моё полное равнодушие и молчание, катит по правильному адресу.

Сворачивает в арку, останавливаясь у нужного подъезда.

– Значит, ты всё это время знал, где я живу? И ничего не предпринял?

– Ты о чём?

Ленивая улыбка скользит по его довольной физиономии. Кажется, он рад, что ему удалось вывести меня на эмоции. Прогнуть под себя в очередной раз.

– Я о нашем разводе!

Почти кричу, дрожа от ярости, несмотря на то, что в салоне очень тепло. Щёлкаю ремнём безопасности, собираясь выходить.

Никита ловит меня руку повыше локтя. Сжимает кожу властными пальцами по типу наручников, заставляя обернуться. Посмотреть на себя.

– Так ведь не было никакого развода, мышка. Ты всё ещё официально – моя жена.

Меня трясёт. От переизбытка чувств. От этой несправедливости. От себя самой.

– Это мы скоро исправим!

Пытаюсь оторвать мужские пальцы от своей кожи. Напрягаюсь до зубовного скрежета, понимая, что я сейчас просто взорвусь. Наору на него или, ещё хуже, расплачусь.

– Я пришлю к тебе своего адвоката, Антонов!

– Нет, Вероника.

Голос Никиты становится тише, каким-то глухим. Это заставляет меня оцепенеть. Перестать вырываться из цепких рук некогда любимого мужчины. Втянуть носом наэлектризованный воздух.

- Что тебе от меня нужно?

- Чтобы ты снова стала моей женой.

- Ты на солнце перегрелся? Так открой окна в салоне, остынь.

Я дёргаю ручку на двери, понимая, что она заблокирована. Поворачиваюсь к бывшему, содрогаясь от злости. Мечтаю прямо сейчас расцарапать ему его холёную физиономию, ничуть не изменившуюся за это время.

- Открой.

- И не подумаю.

Ехидно хмыкает, расплываясь в дьявольской ухмылке.

- Это похищение, Антонов!

Всё-таки срываюсь, лупя по запертой двери. Царапаю ногтями по тонированному стеклу. Горько выдыхаю раскалённый воздух.

Никита абсолютно не обращает внимания на мои жалкие протесты. Подаёт свой дорогуший айфон последней модели, выгибая бровь:

- Вызывай полицию, мышка. Или ты только на словах такая дерзкая стала?

Он глушит мотор своего монстра, откидываясь на сидении в расслабленной позе. Скрещивает руки на груди, прикрывая глаза.

Делает вид, что дремлет.

Хитро прищуривается, наблюдая за мной.

Я нервно кручу в руках дорогой пластиковый прямоугольник. Понимаю, что разбив его, я только влезу ещё в один кредит. В очередной, а их у меня и так несколько.

Ненависть к мужчине становится более жгучей, но я понимаю, что ничего не смогу с ним сейчас сделать.

Откидываю смартфон на торпеду как ядовитую змею, способную ужалить.

Хочется плакать.

Я только-только начала новую жизнь. Всё распланировала, вынырнув из пучины постоянных долгов. Раскрутилась, начав дышать ровнее. А сейчас вновь чувствую себя загнанной в клетку. Позволяю Никите вторгаться в мою жизнь без всякого на это права.

Идиотка...

– Мы можем просидеть здесь очень долго, пока тебе не надоест сопротивляться мне, Вероника.

В его тихом голосе сквозит ледяная опасность. Заставляет внутренности сжиматься. Пытается парализовать моё сознание.

– Ну, тогда, с большой вероятностью, мы умрём от голода и жажды.

– Это вряд ли. В багажнике – полно продуктов, которые при желании можно растянуть на неделю. Там же ящик минеральной воды. Так что, дорогая моя жёнушка, умрём мы не скоро.

– Ты всё продумал...

Я зло выдыхаю, с раздражением глядя на родной двор, утопающий в тенях от включенных фонарей. Понимаю, что всё это время Никита знал, где я обитаю и ни разу не захотел встретиться.

Нет, я и сама не хотела его видеть – иначе бы давно объявилась, но в тайне всё равно надеялась, что я незаменима. Мечтала, что однажды мы всё же встретимся, и он поймёт, кого потерял.

И вот, этот день настал.

Но его просьба вызывает у меня лишь недоумение.

И злость.

– Представляешь, будет как в сказке...

На физиономии Антонова просыпается довольная улыбка.

– Они жили долго и счастливо и умерли в один день. В собственном автомобиле. От вредности.

Хмыкаю.

– От твоего монолога сквозит дешёвым российским «мылом». Знаешь, по телевизору показывают. С такими же плоскими шуточками.

– А ты у нас теперь – звезда сатиры?

Брови бывшего подлетают ввысь, а рот приоткрывается в зловредной усмешке.

Я сглатываю колкую шутку, устремляя взгляд в окно. Понимаю, что мы по-прежнему не можем найти общий язык, скрывая чувства за взаимными упрёками.

Но теперь мне не больно. Не должно быть больно, я ведь закалилась за эти пять лет. Перестала страдать, став сильной. Переросла эту зависимость – больную любовь к Никите.

И больше не хочу в этот омут.

– Ладно, говори, что тебе от меня нужно.

Хмуро произношу, выдыхая с ненавистью. Поднимаю ладони вверх в знак капитуляции.

Понимаю, что просто так он не отвяжется. Не выпустит меня на свободу.

– Отлично. Наконец-то ты включила мозг.

Кривится, пытаюсь поддразнить меня лишний раз. Задеть за живое. Приоткрывает окно, впуская в салон автомобиля свежий вечерний воздух.

Оборачивается ко мне, сканируя спокойным взглядом.

– Слушай, вот какое дело...

Глава 3

Вероника

– Короче, Вероника, дело обстоит так, что я собирался сегодня подписать выгодный контракт со своими японскими партнёрами. Но они сделали шаг назад. Затормозили сделку по одной, совершенно идиотской причине.

– Ты о чём?

Решаю вести себя спокойно. Не опускаться до уровня его истеричной пассивности, с которой мне довелось познакомиться. Быть выше всего этого.

– У японцев очень развиты семейные ценности. В общем, в их понимании, мужчина со статусом холостяка – абсолютно надёжный партнёр, не заслуживающий доверия и контракта.

– Да, я бы тоже не доверяла тебе, но совсем по-другому поводу.

Выплёвываю ядовитую фразу, продолжая пялиться в окно. Чувствую, как напряжение в автомобиле нарастает, звеня в воздухе какой-то наэлектризованной энергетикой.

Сжимаю подлокотник кресла побелевшими пальцами.

– В общем, ты должна ко мне вернуться.

Он говорит это совершенно спокойным тоном, буднично, как будто каждый день делает подобные предложения. Я же открываю рот как выброшенная на берег рыба, не зная, как похлеще ответить этому наглецу. Перевожу дыхание.

Рычу, вскидывая подбородок вверх.

– Кажется, Регина будет против. Попроси её – вы отлично смотрите вместе, просто образцовая пара!

– Ты ревнуешь, мышка?

С издевкой спрашивает он и подмигивает. Заставляет меня вспыхнуть от возмущения. Замолчать, пока он не выстроил себе эту стройную теорию в воспалённом мозгу.

– Регина хороша только в постели.

Медленно произносит, наблюдая за моей реакцией. Вглядывается в глаза, ловя больной дёрганный взгляд.

Опускаю взор.

Он снова хотел задеть меня, показать, что даже в интимной сфере у него всё в порядке. Что, несмотря на наш брак, он спокойно заводит романы, не вспоминая о семейных ценностях.

Конечно, я уверена, что он не жил монахом всё это время и не хранил мне верность, завязав всё пониже ремня брюк на тугой узел. Но я, как идиотка, продолжала не подпускать к себе мужчин. Яростно пахала, создавая свой цветочный бизнес с нуля, не размениваясь на личную жизнь.

Может быть, поэтому у меня за пять лет было от силы всего несколько свиданий, по исходу которых я предпочитала не перезванивать назойливым поклонникам. Понимала, что это – не те люди.

Но об этом Антонову знать совершенно необязательно.

– Ты слышишь меня, Вероника?

Никита щёлкает пальцами у моего лица, вырывая из пучины воспоминаний. Продолжает говорить, как ни в чём не бывало.

– На мою жену она не тянет. Во-первых, Регина очень ревнивая и взбалмошная – одному Богу известно, что она сможет натворить в следующий момент. А во-вторых, дорогая моя, именно твои данные стоят в моём штампе о браке.

– Что за бред, Антонов? Кто будет проверять свой паспорт, и сверять его с моим?

Прищуриваюсь, отбивая подачу.

– Поверь мне, японские юристы ещё более дотошные, чем наши. Особенно, когда дело касается денег. Так что мне нужна именно ты.

– Засунь себе эту идею подальше и поглубже! Я подаю на развод!

– Да ладно, мышка.

Он хмыкает, продолжая удерживать меня за руку. Сканирует ядовитым рентгеновским взглядом, от которого всё в душе переворачивается вверх дном, сплющиваясь в мерзкий комок.

– Подумай хорошенько, я отблагодарю. Что ты там хотела? Свой бизнес, цветочный магазинчик? Сделаю.

– Спасибо, у меня он уже есть.

– Твой обветшалый киоск того и гляди развалится от дуновения ветерка, а я предлагаю тебе во владение серьёзное помещение. Оплачу все расходы, куплю кучу шмоток и драгоценностей, которые потом останутся тебе.

– Ты меня совсем не знаешь, да, Антонов?

Меня трясёт от этих неприятных слов, как будто Никита собирается купить меня как куклу, выставленную в витрине магазина. Накидывает цену, чтобы у меня не было сил отказаться от этой безумной затеи.

Ищет слабые места.

Ведь я никогда не давала повода усомниться в себе. Ушла от него ни с чем, забрав только личные вещи. Выкарабкивалась из ямы самостоятельно.

– Я помню, что ты гордая, мышка. Но у каждого есть своя цена. Назови – и ты её получишь.

– Мне ничего не нужно.

Отчаянно подцепляю в последней попытке ледяными пальцами ручку двери и она, к моему удивлению, неожиданно распахивается. Прохладный вечерний воздух врывается в салон. Ввинчивается в лёгкие ароматом свободы.

– Прощай, Антонов. Я пришлю к тебе своего адвоката. Подпишем бумаги на развод.

Стучу каблучками по асфальту, сцепливая зубы. Стараюсь не оборачиваться. Ощущаю обжигающий мужской взгляд на своей заднице.

Бывший муж опускает стекло, догоняя меня своим бархатным голосом. Оставляет последнее слово за собой. Сердце делает сальто, обрушиваясь в пятки.

– Я заеду завтра за ответом, Вероника. Тебе сутки на размышление.

Откупориваю бутылку розового игристого вина, наливая прохладную жидкость в высокий бокал. Она пенится, бежит по стенке, искрясь и переливаясь, словно играя с моим воображением.

Откидываюсь на спинку кресла, поджимая под себя ногу, и осторожно пригубливаю напиток. Он кусает меня за кончик языка, разливаясь волнующей прохладой по рту. Спускается по пищеводу, будоража воспоминания.

Нет, какого чёрта он возомнил о себе?

Решил, что может явиться вот так, как чёрт из табакерки и поманить меня солидным кушем? Надавить на больное?

Перед глазами проносятся несколько кадров из нашей прошлой жизни. Той, что оставила на моей душе неизгладимый отпечаток печали.

Вывернула наизнанку.

Начинаю трясти головой, пытаюсь выбить из своей головы осколки воспоминаний.

Снова быть у Антонова за полумойку? Гладить, убирать, готовить, позабыв о подругах и любимом бизнесе, только для того, чтобы помочь ему?

Чёрта с два!

Залпом опрокидываю в себя бокал, подбегая к окну. Раздёргиваю плотные шторы, смотря вниз, на тёмный, окутанный тёплым свечением фонарей, двор. Усмехаясь про себя, понимаю, что Никита уехал.

Конечно, он же сказал, что вернётся завтра за ответом абсолютно уверенный в том, что я соглашусь на его условия. Напыщенный индюк!

Сейчас, наверное, он уже нежится в объятиях Регины, которая прикусывает его за мочку уха в порыве страсти, извиваясь под мощными руками. Царапает наманикюренными пальчиками по обнажённой спине. Стонет на весь дом, откидывая голову назад от удовольствия.

Сглатываю слюну.

Мне должно быть всё равно, чем мой бывший муж занимается по ночам. Абсолютно. Как это было до сегодняшнего дня.

Завтра я просто должна встретить его полностью готовой. Красивой, с шикарным мейком, в новом облегающем платье, которое так выгодно подчёркивает мою фигуру, и дать отпор.

Отказать с обворожительной улыбкой на губах.

Сказать, что его предложение меня несколько не интересует. Что я уже всего добилась, чего хотела.

Арендовала небольшой киоск, находящийся в бойком месте. Наладила контакты с поставщиками, заключив наиболее выгодные для себя контракты. Оформила все документы и лицензии, пройдя все круги Ада в нашей бюрократической системе.

Всё сделала сама. Без его помощи.

Плюхаюсь в кровать, накрываясь с головой одеялом. Кручусь полночи, переваливаясь с боку на бок, как ленивый медведь в своей берлоге. Наконец, под утро, сон всё же настигает меня. Укутывает своими пушистыми облачками, беря в плен.

Мне снится богато обставленный дом Антонова в том виде, которым я его помню. Кто-то зовёт меня из спальни. Шепчет шуршащим голосом, отдаваясь в моём мозгу шелестом осенних листьев. Я преодолеваю белоснежные ступени винтовой лестницы, хватаясь рукой за лакированные перила. Врываюсь в нашу супружескую спальню.

Останавливаюсь как вкопанная.

Вижу Никиту, лежащего на полу среди свежесрезанных роз. Бросаюсь к нему, падая рядом на колени. Царапаю кожу об острые шипы, отшвыривая растения.

Начинаю хлопать мужчину по щекам, пытаюсь привести в чувство. Нащупываю слабый пульс под тонкой кожей запястья.

Меня всю трясёт. Колотит так, что зуб на зуб не попадает. Всё вокруг начинает кружиться, а в голове набатом звенит колокол. Заставляет меня содрогнуться от липкого страха.

Проснуться, наконец.

Резкий дверной звонок разрезает тишину квартиры насыщенным звуком. Я испуганно подпрыгиваю на кровати, разлепляя глаза. Сердце колотится где-то в горле, а к вискам прилипли влажные пряди волос.

Смотрю на часы, показывающие начало десятого.

Боже, проспала! Мне магазин открывать через пятьдесят минут!

Понимаю, что должна была встретиться с Юлей ещё полчаса назад, в кафе неподалёку от цветочного салона. Она как раз должна была рассказать мне о новых поставщиках роз из Краснодарского края, которые бы хотели сотрудничать со мной, продавая эти популярные цветы в полтора раза дешевле моих нынешних иностранных партнёров.

Это бы здорово вытянуло меня из финансовой ямы, в которую я попала из-за погубленных зимой цветов. Но именно сегодня я, по иронии природы, проспала.

Вот чёрт!

Звонкая повторная трель заставляет меня стряхнуть остатки сна. Вскрываю с кровати, вбегая в прихожую. Щёлкаю замками, распахивая дверь так широко, что она ударяется о косяк с громким стуком. Некто, стоящий на пороге едва успевает увернуться от летящей на него створки, отпрыгивая в темноту.

Начинаю тараторить, пытаюсь пригладить взъерошенные ночной бессонницей, светлые пряди:

– Юлечка, прости, проспала. Проходи, сейчас кофе угощу...

Тень шагает вперёд. Выходит из мглы подъезда, расплываясь в дьявольской ухмылке.

Дыхание моментально нарушается, как будто стальной кулак схватил за горло. Я скольжу взглядом по породистому волевому лицу, гладко выбритому подбородку и натыкаюсь на карие глаза, смотрящие на меня с ядовитым прищуром.

– Я, конечно, не Юля, но от кофе не откажусь.

Бывший муж не ждёт приглашения. Пронимает меня своим липким взглядом. Заставляет отойти в сторону. Привалиться к косяку.

Никита проходит в прихожую, оказываясь в одно мгновение рядом со мной. Поднимает кончики губ в дьявольской улыбке. Скользит рукой по косяку, останавливаясь в сантиметре от моего лица.

– Угостишь?

Его мятное дыхание проникает под кожу, волнуя каждую клеточку ещё сонного тела. Я непроизвольно отшатываюсь назад. Пытаюсь защититься от этого плена воспоминаний.

Терпкий аромат парфюма с нотками муската ввинчивается штопором в лёгкие, заставляя сердце гулко забиться об рёбра.

Пытаюсь натянуть свою коротенькую сорочку на бретельках пониже, чтобы спрятать тело от этих блуждающих липких глаз.

Господи, ну почему я надела вчера именно эту провокационную сорочку? Неприлично короткую, с мягким кружевом на V-образном вырезе. Настраивающую на романтический лад.

Антонов легко может подумать, что я решила его совратить. Соблазнить, не смотря на громадную пропасть между нами.

Напыщенный индюк!

Я уверена, что он сейчас исследует меня. Раздевает глазами, вспоминая каждую родинку. Прикидывает, так ли я хороша, как и пять лет назад.

Соски неожиданно напрягаются под тонкой шёлковой тканью ночнушки то ли от этого странного взрывоопасного взгляда бывшего мужа, который всегда действовал на меня именно таким образом, то ли от прохлады подъезда, и я инстинктивно скрещиваю руки на груди. Высовываюсь на площадку, вслушиваясь в тишину подъезда.

Только любопытных зевак в лице старушек мне не хватало!

Цепляю дрожащими пальцами дверную ручку, быстро щёлкая замком.

- Проходи.

Выдавливаю из себя, избегая его насмешливого взгляда и, развернувшись на пятках, бегу в комнату.

Господи, у меня есть только пара минут, чтобы привести себя в порядок.

Влетаю в спальню, начиная разбрасывать одежду по кровати. Мечусь из стороны в сторону, не зная, что выбрать. Терзаюсь – что будет на мне смотреться лучше – элегантное платье, или деловой брючный костюм.

Выдыхаю, стараясь успокоиться.

Антонов уже видел меня в неглиже. И ему теперь будет всё равно, в чём я буду одета.

Проклятье!

Рваными движениями натягиваю летнее облегающее платье с открытой спиной, под которое нельзя надевать бюстгальтер. Осматриваю себя в зеркале, удовлетворённо цокая языком. Приподнимаю подбородок вверх.

Взмах расчёской. Акцент на губы. И я полностью готова к приёму неожиданного гостя.

Выхожу из спальни, покачивая бёдрами. Готовлюсь разгромить аргументы Антонова с яростью многотысячного войска. Дать ему от ворот поворот, рассмеявшись в лицо.

Он сидит в моём любимом кресле посреди гостиной, закинув ногу на ногу. С ухмылкой просматривает глянцевый женский журнал, который я купила на днях только для того чтобы себя побаловать. Посмотреть, чем сейчас живут городские модницы.

В его расслабленной позе сквозит превосходство. Возвышается надо мной в горделивом взгляде. Проходится по моей фигуре с благосклонностью.

– Неплохое платье. Цветочный принт в тренде. Тебе идёт.

– Спасибо. Успел полистать мой журнал и нахвататься модных словечек?

Киваю ядовитым взглядом на печатное издание.

– Значит, кое-какой доход от своего бизнеса ты всё-таки получаешь.

– Меня устраивает.

Пожимаю плечами, признавая его правоту. Смотрю на него прямо, пытаюсь прогнуть взглядом.

С грацией хищника он встаёт с кресла. Подходит так близко, что кажется между нашими телами не остаётся даже сантиметра. Воздух вокруг накаляется. Звенит ностальгией по утраченным отношениям.

– Мне нравится, что ты стала такой.

Никита прищуривается. Выдыхает в меня мятное дыхание, которое тут же опутывает меня своей сладкой патокой. Я дёргаюсь. Налетаю спиной на стену.

Понимаю, что дальше бежать некуда...

Глава 4

Вероника

Мужские ладони впечатываются в обои по обеим сторонам от моего лица. Берут меня в замысловатый плен.

– Интересная. Дерзкая. Наглая.

Протягивает, ухмыляясь.

Я вспыхиваю от неожиданного комплимента. Такого странного и в то же время такого приятного. Сладкого.

Раньше муж не утруждал себя красивыми словами. Относился ко мне как к чему-то привычному.

На бледных щеках появляется румянец. Отвожу взгляд, стараясь не дышать. Чувствую, как внутри нарастает щемящий водоворот, набирающий скорость. Расходится теплом в груди.

– Лакомый кусочек. Так и хочется попробовать.

– Советую не рисковать. Останешься без самого драгоценного. Чем потом свою Регину удовлетворять будешь?

– Она достаточно легко удовлетворяется баблом.

Криво усмехается, но глаза остаются пустыми. Какими-то больными. Отчуждёнными. Но я не собираюсь его жалеть. Становиться жилеткой для его скупых слёз.

– Просто ты ничего больше не можешь дать женщине, Антонов. Ты пустой и чёрствый, как и твоё сердце.

Дерзко поднимаю подбородок.

Мы скрещиваем взгляды. Я жду обычной вспышки гнева, высказываний, какая я фригидная и скучная жена, и как ему не повезло со мной, но Никита молчит.

Отрывисто дышит.

По рукам бегут предательские мурашки. Переползают на плечи, рассыпаясь невидимыми бисеринками по спине. Я сжимаю-разжимаю пальцы, пытаюсь придти в себя.

Подныриваю под его рукой, проводя потными ладошками по бёдрам. Расправляю невидимые складки на летнем платье. Кидаю ему через плечо, не оборачиваясь:

– Проходи на кухню. Я ведь тебе кофе, кажется, обещала.

– Два кусочка сахара, как обычно?

Буднично разливаю свежесваренный кофе в две белоснежные фарфоровые чашки, хватаясь за рафинад. Пытаюсь говорить как можно спокойнее, как будто присутствие Антонова на моей крошечной пятиметровой кухне – самое обычное явление.

А мы с ним – самая обычная среднестатистическая семья.

Никита останавливает меня властным жестом, сводя брови на переносице так, что на лбу залегает крошечная морщинка. Прищуривается, отчего у меня по телу непроизвольно рассыпается ворох мельчайших мурашек.

– Я не употребляю сахар, Вероника.

Поджимает губы. Сверлит пронзительным взглядом.

– Давно?

– Уже пять лет. В общем, с того момента, как ты меня бросила. Понял, что надоело.

Растягивает слова, давая мне привыкнуть к тому факту, что он изменился за эти пять лет. Стал другим. Не тем мужчиной, которого я когда-то любила всей душой, наплевав на собственную жизнь.

Стал чужим.

Но и я изменилась. Переехав в крошечную однушку я распрощалась со своей богатой жизнью, начав всё с нуля. Мне пришлось многое переиграть. Переосмыслить.

Родиться заново.

– Итак, ты собрала вещи? Бери только самое необходимое. Всё остальное купим.

Никита лениво вытягивается на стуле, откидывая голову назад. Смотрит на меня тяжёлым, как бетонный каток, взглядом. Пронимает до самого нутра так, что я моментально ощущаю себя обнажённой.

Возбуждение расходится волной по телу, и я быстро скрещиваю руки на груди. Пытаюсь закрыться от этого опасного наглого взора, под которым пять лет назад я сразу же таяла, превращаясь в мокрую лужицу.

Ну, нет, Антонов, на сей раз со мной этот номер не пройдёт!

Подбочениваюсь, отбивая взгляд. Вздёргиваю подбородок вверх:

– Я никуда с тобой не поеду.

– Что, прости?

Он распахивает глаза. Тёмные густые брови, словно нарисованные, взлетают вверх. Таранят потолок крошечной кухни.

– Я не стану снова твоей женой, Антонов. Не буду наступать на те же грабли.

Чётко произношу каждое слово, пытаюсь донести информацию до бывшего мужа. Пытаюсь прогнуть его ледяным взглядом. На самом деле же проговариваю это и для себя тоже – чтобы распрощаться с этим наваждением, из-за которого я проспала важную встречу.

И никогда к этому не возвращаться.

– Вероника, это важно!

Он вспыхивает. Породистое лицо краснеет, а мужчина выпрямляется во весь свой мощный рост. Подходит ближе, занимая опасную позицию.

Сейчас он подходит под описание вселенского зла – опасный, холодный, дьявольски красивый. Возмужавший за те пять лет, что мы не виделись, превратившись из молодого мужчины в хозяина жизни. Уверенного в себе и целеустремлённого.

– Ты не понимаешь? Ты нужна мне!

– Я нужна не тебе, а твоему контракту с японцами!

Зло выдыхаю, сцепливая дрожащие пальцы за спиной. Пытаюсь подавить дрожь в голосе, чтобы Антонов не чувствовал моей уязвимости, ведь я ни в коем случае не должна показать своей слабости.

– А ты хочешь нормальный салон флористики да, мышка? Признайся!

Властные пальцы ложатся на моё лицо, порхая над фарфоровой кожей, как крылья бабочки. Вызывают приятную дрожь во всём организме. Предательски заставляют пульс взвять фонтаном где-то в горле.

Я поднимаю на него глаза, как замороженная. Стою, не в силах отвести взгляд, как дрожит маленький пушистый зайчик перед грозным хищником. Сильным и конечно, опасным.

Всматриваюсь в некогда родные глаза обрамлённые чёрными ресницами. Сердце заходится в частом ритме. Больно ухает в груди, отскакивая от рёбер.

– У меня уже есть...

Шепчу, пытаюсь вырваться из этого плена, понимая, что ещё чуть-чуть – и я потерплю полное поражение.

Он нагибается, обхватывая меня за плечи. Скользит властными пальцами по нежной коже. Обдувает мятным дыханием.

В нестигаемом стальном взгляде истинного бизнесмена мелькает что-то давно забытое, нежное, как будто крошечные огоньки начинают танцевать свой вальс в этих красивых глазах цвета кофейных зёрен.

Совсем как пять лет назад. Тогда, когда мы были счастливы, а от осязания любви сносило крышу.

В висках учащается пульсация, и я приоткрываю рот как выброшенная на берег рыба.

– Да-да, помню – тот затрапезный киоск.

Очухиваюсь, как от звонкой оплеухи. Вырываюсь из стальных тисков, вздёргивая подбородок вверх.

Как мне могло показаться, что этот мужлан что-то испытывает ко мне? Нет, люди не меняются, а Антонов – тем более.

– Его единственное преимущество в том, что он стоит в бойком месте. Вот и Регину каким-то ветром занесло туда. В остальном же – без слёз не взглянешь.

Очень хочется ответить какую-то колкость этому наглецу, но мобильный, лежащий на столе, начинает истошно звонить. Заставляет меня отвлечься от словесной перепалки.

Ледяными пальцами провожу по экрану, не вслушиваясь в сбивчивую речь Юльки – моей подруги – компаньонки, единственной поддержавшей в трудную минуту в момент ухода от бывшего мужа. Пытаюсь обрисовать ей ситуацию. Как-то успокоить.

– Юль, прости, я задержусь сегодня. Скоро приеду.

– Можешь не торопиться, Ника.

Она чуть не плачет, всхлипывает, совершая рваные вдохи. Заставляет моё сердце сжаться в предчувствии чего-то ужасного.

Я вздрагиваю и замираю. Сердце колотится быстро-быстро, разгоняя кровь по венам.

– Что случилось? Где ты?

– Твой магазинчик цветов... Он... Он сгорел, Вероника!

– Что?

Оторопело смотрю на смартфон. Не могу поверить в случившееся, снова и снова заставляя Юльку передавать мне детали произошедшего.

Она мямлит, пытаюсь собрать мысли в кучу, но из-за постоянных всхлипываний я практически ничего не могу разобрать.

– Ничего не осталось, Ника! Это – просто кошмар, тут пепелище!

Руки трясутся, становясь ледяными и негнуцимыми. Я бросаю больной взгляд на Никиту. Он напрягается. Сводит кустистые брови на переносице, вслушиваясь в рваные фразы.

Отпивает бодрящий напиток, устремляя взор вдаль. Выглядит абсолютно невозмутимым. Холодным, не смотря на мой ураган эмоций на лице. Ожидает, пока я закончу разговор.

– Как это произошло?

Голос дрожит. Вибрирует истерическими нотками.

Я сама от себя не ожидала подобного. Думала, что уже приспособилась к жестоким реалиям жизни.

– Я не знаю. Прождала тебя в кафе почти час. Решила пойти к магазину, а там – пожар. Пока пожарных дождалась, полицию. Протокол составили. Им ты нужна...

Смартфон неожиданно издаёт слабый сигнал и отключается, оставшись без подзарядки.

Уф, отлично.

Смотрю на бесполезный кусок пластика, безжизненно вложенный в руку, и сглатываю слюну. Перевожу дрожащий взор на Никиту, который, почувствовав неладное, тотчас оказывается рядом. Усаживает на стул, присев подле меня на корточки.

– Что случилось, мышка?

От такой заботы захотелось разреветься. Прижаться к его сильному телу, ощутив биение мощного сердца. Рассказать обо всём, что мучило меня в последнее время.

Но он не поймёт.

Антонов – самый последний человек, который может испытывать сочувствие к ближнему. Люди не меняются, а Никита – в особенности. Мой уход ничего не изменил в нём, не заставил посмотреть на жизнь под другим углом. Не доказал, что женщины – такие же личности с собственными амбициями.

Но чёрт, как же хочется сейчас с кем-то поделиться. Выплеснуть горе, чтобы душа не разрывалась на части!

– Пожар. Мой магазин сгорел.

Хриплю, пытаюсь совладать со своими чувствами. От натянутости нервов меня начинает бить нервная дрожь, и я тут же оказываюсь в сильных объятиях бывшего мужа. Слезы градом сыплются из глаз, превращаясь в настоящие горные ручейки, и я больше не сдерживаю всхлипываний.

– Ну-ну, мышка, всё утрясётся.

Спокойные прохладные слова выливаются на меня, моментально заставляя подпрыгнуть на месте. Отшатнуться от Никиты как от чумы. Воззриться на него с ненавистью.

– Утрясётся? Утрясётся! Да Юлька говорит, что от киоска ничего не осталось, одни угли!

– Вероника, но ведь твоё детище застраховано. Ведь так?

– Да.

– Выплатит тебе страховая указанную сумму, купишь новый ржавый вагончик. Может, тебе даже повезёт, и он будет не таким старым как прошлый. Я тебе даже неоновую вывеску подарю на открытие.

Усмехается он, скрещивая руки на груди. Небрежно поправляет дорогие часы на запястье, сверкая чистейшими бриллиантами. Чуть дёргает плечами.

– Неоновую вывеску?

– Ну да. Знаешь, есть такие яркие светящиеся буквы. Совсем недорого можно заказать.

Меня перекашивает от злости. Хочется накинуться на этого напыщенного индюка, застучать кулаками по его мощной груди, чтобы, наконец, заставить затвердевшее сердце работать нормально.

– Да, но как же цветы? Ты просто не представляешь, сколько растений там погибло! Я ведь как раз получила новую поставку зная о том, что на последний звонок школьники обязательно расхватают абсолютно всё.

Снова хлопаюсь на стул, опуская плечи в беззвучном рыдании. Слезы катятся по щекам, рисуя ломаные серебряные линии на нежной коже, но я как будто не замечаю этого. Трясусь как побитая собачонка, дрожа всем телом.

Нет, ему всё равно – он будто не слышит меня. Не хочет понять, продолжая издеваться даже в такой напряжённый, важный для меня, момент.

Чёрствый придурок.

Антонов подходит сзади, осторожно отбрасывая шелковистые прядки волос в сторону. Проводит пальцем по напряжённой шее, вызывая россыпь приятных покалываний. Кладёт ладони на оголённые плечи, чуть надавливая на нужные точки.

Начинает разминать как раньше. Осторожно, применяя половину силы. Двигаясь вверх – вниз методично расслабляя меня, применяя китайские методики, освоенные им ещё семь лет назад.

Нагибается к уху, обдувая мочку разгорячённым дыханием.

– Тебе легче?

Потрясённо киваю, не в силах вымолвить ни слова. Всхлипываю, стирая подушечками пальцев мокрые слёзы со своих щёк.

- Тогда поехали. Я отвезу тебя.

- Ты?

В недоумении смотрю на Никиту, не понимая, где проходит грань между прошлым и настоящим. Сейчас он здесь со мной. Такой же любящий и милый, как до нашей свадьбы. Сердобольный, готовый помогать, слышать.

Но я знаю, что он другой.

Циничный, заледеневший и чёрствый.

Далёкий от проблем простых людей, всецело бросивший все усилия на поднятие собственной империи. Даже забывший про собственную жену.

- Конечно, я. У тебя же нет автомобиля, Вероника. А ты должна быть там, слышишь?

Легонько встряхивает меня. Ставит на пол рядом с собой, продолжая придерживать за плечи. Сканирует морозным взглядом.

- Да.

- Тогда едем.

Ноги подгибаются, как у шарнирной куклы, когда я пересекаю двор. Плюхаюсь на переднее сидение рядом с бывшим, машинально пристёгиваясь ремнём безопасности.

Никита молчит. Осторожно выкруливает со стоянки, не донимая меня расспросами. Нервно барабанит пальцами по рулю, всматриваясь куда-то вдаль.

Я отрешённо скольжу взглядом по знакомым улочкам. Выдыхаю спёртое дыхание через рот, когда вижу чёрный столп дыма, виднеющийся издалека. Обхватываю себя ладошками.

- Ты в порядке? Идём?

Он распахивает дверцу автомобиля, помогая выбраться наружу. Железные руки обвивают хрупкий силуэт, не давая упасть.

Киваю.

- Ты тоже?

- Конечно, я не могу оставить тебя в таком виде. Ты ведь моя жена как-никак.

- Вспомнил-таки...

Выдыхаю, понимая, что сейчас не место для очередного витка ссоры. Замолкаю, закусывая нижнюю губу, и приваливаюсь к сильному торсу бывшего мужа. Поднимаю на него расфокусированный заплаканный взгляд.

- Никита?

- Да?

В его взгляде сквозит что-то родное. То, что я думала, уже давно утрачено. Похоронено под слоем совместных обид.

- Спасибо тебе за всё.

Глава 5

Вероника

В десятый раз прокручиваю слова полицейского о поджоге. Пытаюсь вспомнить, кому я могла так насолить в последнее время и отрешённо качаю головой.

Нет таких людей.

Нет, естественно, недоброжелателей у меня хватало всегда. И наглые поставщики, недовольные отказом от их продукции, и придирчивые покупатели, не соблюдающие правила ухода за свежесрезанными цветами по моей памятке. И даже владелец цветочного салона, расположенного неподалёку – он неоднократно хотел выкупить мой киоск только потому, что покупатели, как правило, не доходили до него, обратив внимание на мою не слишком яркую, но добротную вывеску и демократичные цены.

Но опуститься до поджога – это для всех слишком.

– Ладно, мы сообщим, если что-то выяснится, Вероника Игоревна. Вы можете быть свободны.

Полицейский устало выдыхает в пшеничные усы, пряча засаленный блокнот в карман. Я тотчас попадаю в хрупкие объятия Юльки. Она раскачивается как китайский болванчик, отчего-то повторяя только одну фразу:

– Прости! Прости! Прости!

Принимается хаотично гладить меня по спине, избегая взгляда. Я осторожно беру её за запястья и встряхиваю, заставляя посмотреть в глаза. Вижу плескающийся на дне тёмных зрачков ледяной ужас и нахмуриваюсь.

– Что случилось?

– Ника, как же я не доглядела...

Хрипловатый шёпот набирает обороты. Превращается в истеричные визги, заглушающиеся проходящей толпой туристов.

– Ты о чём?

– Я же должна была быть тут, понимаешь? Собиралась открыть магазинчик пораньше, чтобы ещё раз свериться с накладными. Ты ведь помнишь, что сегодня у нас было под заказ три свадебных букета?

– Да что уж теперь...

Нахмуриваюсь, понимая, что ещё придётся отвечать перед своими покупателями за сорванные заказы. Выплатить приличную неустойку.

– Нет, это я виновата! Ты когда в кафе не пришла, я не удержалась. Заказала себе торт со взбитыми сливками и чизкейк! Строго – настрого запрещала себе сладкое всю неделю, а сегодня не смогла, расслабилась.

Юля дрожит, смотря на меня с каким-то благоговением. Тараторит, словно боясь упустить какую-то важную деталь. Я коротко прижимаю её к себе. Провожу ладонью по спутанным волосам, ощущая облегчение.

Выдыхаю. Смотрю на неё прямо.

– Если бы ты оказалась тут, преступник мог бы поджечь киоск вместе с тобой. Ведь он мог не следить и не узнал бы, что ты уже внутри, занимаешься документами.

– Правда?

Замирает на секунду, смотря на меня не мигая. Приоткрывает рот в немом изумлении, как будто я только что открыла для неё тайну Вселенной.

– Конечно. Так что хорошо, что ты наплевала на свою диету и осталась в кафе.

Добавляю, понимая, что совсем не сержусь на подругу. Наоборот, чувствую облегчение, свалившееся с плеч после её неожиданного признания.

Дрожь бежит по телу вместе с ворохом колючих мурашек, но я продолжаю. Растягиваю на губах фальшивую улыбку. Стараюсь говорить как можно бодрее, заглядывая подруге в глаза:

– Знаешь, мне не хотелось бы опознавать твой обгоревший труп. Поэтому мы должны смело вновь подкрепиться в этом кафе. Отметим так скажем, твой второй день рождения!

– Но как же деньги? Где ты найдёшь теперь столько денег, чтобы восстановить всё, чего лишилась?

Голос переходит на крик. Взрывается нервными нотками, заставляя тело напрячься.

Оборачиваюсь к Никите, беседующему со стражами правопорядка. Смотрю на него с нескрываемой усталостью. Подзываю подойти ближе.

Он жестом прерывает полицейского, направляясь к нам. В этой хищной походке сквозит такая стальная уверенность, что я понимаю, теперь следствие сделает всё возможное и невозможное, чтобы найти этого поджигателя.

Я закусываю губу. Замолкаю, понимая, что сейчас собираюсь сделать самую огромную глупость в своей жизни. Жалеть потом буду – точно.

Но у меня просто нет другого выхода. По крайней мере, сейчас я его просто не вижу.

– Звала?

Выжидающе останавливается напротив нас с Юлькой, скользя по мне ленивым взглядом. Лапает глазами, поднимаясь по стройным ногам к упругой груди. Выдыхает, чуть склоняя голову на бок.

Думает, наверное, как соблазнить меня снова, гад такой. И ведь он твёрдо знает, что хорош собой. Такой же притягательный, как и раньше, до того момента, как мне удалось затащить его под венец.

Но больше ему это не удастся. Второй раз на те же грабли я не наступлю – достаточно шишек. Однако, поиграться с ним в кошки-мышки имею право.

Он же всегда называл меня мышкой? Тихой, спокойной, безропотной. Снующей туда-сюда по его богато обставленной норке.

Представлял себя наглым котом, обожравшимся сметаны? Что ж, мы ещё посмотрим, кто кого. И, чем чёрт не шутит, может и мышке наконец-то удастся сожрать жирную кошку?

- Да.

- Что нужно?

Делает вид, что не понимает, зачем он мне понадобился. Юлька тактично отходит в сторону. Откликается на просьбу полицейского ещё раз рассказать обо всём, что произошло.

Это мне только на руку. Не хочу, чтобы кто-то ещё кроме Антонова стал свидетелем моего помешательства.

- Хочу снова стать твоей женой.

Говорю быстро, словно боясь передумать. Понимаю, что собственноручно подписываю себе смертельный приговор, но не нахожу другого выхода.

Вздёргиваю подбородок вверх, встречая чуть насмешливый взгляд бывшего.

- Приятно слышать, мышка. Но не надейся снова заполучить меня в своё безраздельное пользование.

- Не очень-то и хотелось, Антонов!

Фыркаю, опуская глаза. Стараюсь сдержаться, чтобы не отвесить этому болвану парочку звонких оплеух.

- Не сомневаюсь, Вероника. Поэтому подпишем официальную бумагу. Заверим её у нотариуса, как положено, чтобы ничего не пошло не по плану.

– Отлично. Мне подходит.

Цежу, стараясь говорить как можно увереннее.

– Я не сомневался. Такая успешная бизнес-вумен как ты, наверное, жутко боится, что я её обдеру как липку. Поэтому каждый при разводе останется при своём.

Злость затуманивает глаза. Пляшет бесенятами в расширенных зрачках. Никита же словно не замечает моего пылающего от гнева лица. Продолжает с лёгкой иронией, цепляя за живое.

– И никаких левых интрижек в это время. Мы должны стать образцово-показательной парой. Японцы будут рассматривать наш брак под лупой, я уверен, так что держи свою страсть в узде. Дай на время отбой своим кавалерам.

– Постараюсь.

Выдыхаю сквозь зубы, стараясь тянуть фальшивую улыбку. Говорить Никите о том, что за эти пять лет у меня даже нормальных романов не было – не собираюсь. Пусть думает, что я нарасхват у мужского пола. Этакая сердцеедка, разбивающая ежедневно судьбы многих мужиков.

– Вот и умничка. Наш контракт будет действителен только девяносто дней. Потом мы разведёмся. Обещаю.

– Мне нужно будет уехать, Юль...

Медленно выдыхаю, пытаюсь не думать о предстоящем путешествии.

– Конечно, Ника, не волнуйся. А куда ты?

Прикидываю в уме возможные варианты. Решаю не говорить правду – Юля точно запрет меня в психушке, если узнает, что я решила сойтись с бывшим мужем. Хоть и временно. Выдыхаю с лёгкостью в голосе.

– В Сочи слетаю, нужно временно приостановить поставки цветов. Контракты разорвать. Ты держи меня в курсе.

Резкий звонок в дверь обрывает меня на полуслове. Отбиваю вызов, щёлкая замками.

– Готова?

Никита проходит в прихожую, натываясь взглядом на крошечную спортивную сумку, сиротливо лежащую у входной двери. Расплывается в довольной улыбке, подхватывая её за тонкие ручки.

– Умница, всё равно будем покупать всё новое.

–А где мои... вещи?

Дрожу, не до конца уверенная в том, что хочу это знать. Вспоминаю, как уходила от Антонова налегке, подхватив всё эту же сумочку, в которой лежали лишь документы да пара фотоальбомов из моего собственного детства.

Больше не взяла ничего – ни денег, ни драгоценностей, ни эксклюзивных шмоток, справедливо полагая, что это всё на самом деле мне не принадлежит.

Ушла, чтобы начать всё с нуля положась только на себя. Даже алиментов на содержание не потребовала. Думала, Никита одумается. Вернёт бывшую жену. Постарается наладить нашу семейную жизнь. Изменится.

А потом перестала ждать. Начала действовать, даже не вспоминая об тех эксклюзивных драгоценностях, оставшихся в моей шкатулке в особняке Антонова, от продажи которых, я могла бы купить магазинчик побольше.

– Сжёг.

Он отвечает совершенно спокойно, как будто всё это – ничего не значило для него ровным счётом ничего.

– И драгоценности? И мою шубу?

Вскрикиваю, понимая, что перегнула палку. Сдала с себя потрохами, открывая меркантильные уголки души.

– Да. К чему они мне?

Насмешливо переспрашивает, ожидая ответа. Но я не доставлю ему такое удовольствие. Промолчу.

Спокойно накидываю на плечи пальто, стараясь не смотреть на бывшего мужа. Цепляю пальцами крохотную сумочку, в которой лежат смартфон и кошелёк. Больше, как оказалось, мне даже взять нечего.

Никита выходит первым. Начинает спускаться по ступенькам, не дожидаясь моего присутствия рядом.

Я щёлкаю замком. Проворачиваю ключ в скважине, с каждым поворотом ощущая, что назад дороги не будет. Будто я закрываю сейчас часть своей жизни. Переворачиваю старую, исписанную страницу, чтобы начать новую.

Спускаюсь по ступенькам на плохо гнущихся ногах, словно я – шарнирная кукла. Не оглядываюсь, словно боюсь передумать в самый последний момент. Дать слабину.

Спаستись бегством.

Сажусь на переднее сидение внедорожника, врезаясь пальцами в тонкий ремешок своей сумочки. Закусываю губу, следя за действиями бывшего мужа из-под полуопущенных ресниц.

Он предельно спокоен – что-то щёлкает в своём смартфоне, не замечая моего любопытного взгляда. Медлит, не нарушая звенящую гнетущую тишину, от которой у меня волосы на руках встают дыбом.

– Куда мы едем? В Японию?

Насмешливый взгляд карих глаз прожигает меня насквозь. Заставляет щёки заалеть предательским румянцем.

– Не так быстро, мышка. Для начала мы поживём пару дней вместе. Привыкнем друг к другу.

– Зачем?

Слишком едкая фраза вырывается из моего горла и Никита тут же превращается в соляной столп. Смотрит на меня с холодной неприязнью, как на мелкое, зудящее над ухом, насекомое.

– Чтобы ты не шарахалась от меня при Ямамото, ясно? Мне нужна жена, а не испуганная лань. Ты должна подготовиться.

– Ямамото?

Переспрашиваю, понимая, как игольчатый ужас высовывает свою сущность наружу. Принимаю ядовитый взгляд Никиты, закусывая губу.

– Это – фамилия моего японского партнёра. Я уже сообщил ему, что готов приехать с тобой, провести несколько дней в его доме. По приглашению, разумеется.

– А он?

– Раздумывает. На самом деле, я думаю, он собирает информацию о тебе, моя дорогая. По крупицам.

– Зачем?

Сканирую знакомые улицы, мелькающие за стеклом, каким-то дрожащим, нервным взглядом. Понимаю, что уже давно не бывала в этой части города – там, где живут обеспеченные, не отказывающие себе ни в чём, люди.

И я совершенно не скучала по этому отголоску прошлого. Вычеркнула его из памяти, разорвав на тысячи кусочков вместе с семейными фотографиями.

– Я уже тебе говорил, что Акайо Ямамото – приверженец древних взглядов на жизнь. Он не потерпит, чтобы его имя связывали с именем холостяка или, ещё хуже – неверного мужа, изменщика, гуляющего от юбки к юбке.

– И как же его угораздило связаться с тобой, Антонов? Насколько я знаю, за эти пять лет холостой жизни ты успел уложить к себе в постель просто тучу знойных красоток.

– Приятно, что ты всё это время интересовалась мной, Вероника.

Ехидная ухмылка растекается по чётко очерченным губам, приподнимая уголки рта, и я нервно фыркаю, понимая, что сейчас ляпнула что-то совсем не подходящее для такой железной леди, которой хотела казаться.

– Но у него, моя дорогая...

Пальцы бывшего прочно сплетаются с моими, образуя крепкий замок. Прошибают меня до нервной дрожи, грозясь раздробить от натуги кости.

– Совершенно иная информация. Мы с тобой женаты уже почти десять лет и единственное, что омрачает наш счастливый брак, это...

– Твой скверный характер?

Выдыхаю, стараясь держаться как можно более непринуждённо.

– Нет. Отсутствие детей.

Никита смотрит на дорогу, поворачивая руль, но мне кажется, что сейчас он заглядывает прямо в душу. Проходится грязными сапожищами по самому сокровенному.

Больному и такому желанному.

Я споро отворачиваюсь, чтобы он не заметил хрустальные слёзы, вставшие пеленой, размывая привычные очертания предметов до размера смазанных

пятен.

Сканирую глазами особняк, возвышающийся за высоким кованым забором. Закусываю нижнюю губу.

Господи, никогда не думала, что мне придётся сюда вернуться. Тем более вот так – не по зову сердца, а по хитро продуманному расчёту не бывшего мужа.

Но другого выхода я не вижу. Неустойки и кредиты просто задушат меня. Лишат права на жизнь. Права на будущее.

Пальцы Никиты выдёргивают меня из пучины воспоминаний, распахивая дверцу лакированного монстра. Прочно переплетаются с моими, обжигая каждую клеточку кожи. Фальшивая улыбка слетает с моего лица, когда я понимаю, что пути назад уже не будет.

– Добро пожаловать домой, дорогая.

Глава 6

Никита

В десятый раз просматриваю контракт с японцами, и без того знакомый мне до последней запятой и мысленно возвращаюсь к воспоминаниям о Веронике.

Снова и снова мысленно поднимаюсь по длинным ногам к упругой заднице, которая у неё всегда была просто первоклассной. Останавливаю взгляд на осиной талии, на которой по-прежнему, как и пять лет назад, нет ни намёка на жировую прослойку, и ползу вверх, к крохотным соскам-вишенкам.

Расставляю ноги пошире, понимая, что жар в паху становится просто нестерпимым. Выдыхаю, пытаюсь прогнать это сексапильное видение, которое

теперь находится поблизости от меня, как и пять лет назад.

Сопит за стенкой, укутанная в мягкое одеяло, словно редкая бабочка в тёплом коконе, готовящаяся вот-вот расправить яркие крылья. И взлететь.

Взлететь из этого дома навстречу солнцу. Но я этого не позволю. Сейчас, по крайней мере, когда я уже начал подбираться к своей цели с японскими инвесторами. Вот заключим контракт – пусть летит на все четыре стороны.

Думал ли я, какой будет наша встреча?

Иногда.

Время от времени я наводил справки о бывшей жене, но не из праздного интереса, а из-за какого-то червячка совести, высовывающего голову из недр моей души. Узнавал, чем она занимается и на что живёт, уйдя из моего дома практически голой.

Был приятно удивлён, что обычно тихая и спокойная Ника всё же исполнила мечту – открыла магазинчик цветов, став полноправной владелицей своего маленького, но гордого бизнеса.

Но я никогда не думал, что мне вновь придётся с ней столкнуться. Попросить её сыграть не бывшую жену, а самую что ни на есть настоящую. Думал, что наш развод – лишь вопрос времени.

Мне штамп в паспорте не мешал, а наоборот, помогал отпугнуть надоедливых бабёнок, которые после нескольких приятно проведённых ночей начинали строить розовые липкие планы на семейную жизнь.

Но я никому ничего не обещал. Честно признавался, что они в моей жизни – лишь временное явление, способное скрасить пару ночей, не более. Наверное, поэтому мне так легко удавалось обходить стороной папарацци и не влезать в объектив их камер. Что и пошло, собственно, на пользу моему контракту с Ямамото.

И только Регина пошла дальше всех, вознамерившись, во что бы то ни стало стать единственной. И здорово мне помогла своим очередным скандалом. Так

что очень надеюсь, она не доставит мне больше хлопот, завернувшись в новую шубку.

Сдавливаю пальцами виски, возвращая себя в реальность. Откладываю прочитанный по диагонали контракт, сцепливая губы в плотную линию.

Этот японец слишком сильно прижал меня к стенке своими действиями, не оставив практически никакого выхода. Но я должен выиграть в этой схватке.

Берусь за смартфон, украдкой бросая взгляд на часы. Не смотря на спящую, погружённую в тусклые вечерние фонари Москву, в Токио уже десять утра и поэтому я не нарушу этикет, отзвонившись Ямамото.

– Годзаимас, Ямамото-сан.

Далее беседую с ним по-английски, изредка вставляя отдельные японские слова – ему это без сомнения нравится, греет душу. Говорю предельно вежливо, стараясь даже сейчас липко улыбаться, надавливая на подписание контракта.

От медлит. Отвечает неохотно, будто ищет слова в разговорнике, хотя я знаю, что Акайо прекрасно говорит на нескольких иностранных языках. Тщательно взвешивает каждую произнесённую букву. Тянет время, будто пытаюсь увильнуть в сторону, и наконец, сдаётся.

Тянет своим сухим каким-то безжизненным голосом:

– Вы правы, Антонов-сан. Ваше рвение работать с нами заслуживает похвалы от высших сил. Контракт будет подписан в ближайшее время.

– Когда?

Нервы натягиваются как струны на гитаре, и я почти впиваюсь пальцами в раскалённый смартфон. Моё желание вытрясти информацию из этого хладнокровного японца становится почти осязаемым, и я инстинктивно сжимаю пальцы в кулаки.

– Моя семья будет счастлива принять вас у нас дома на следующей неделе.

– В Токио?

Короткий смешок вырывается с той стороны телефонной трубки, и я зло вскидываю подбородок вверх. Пытаюсь не рассвирепеть сейчас, предпочитая дать волю нервам сразу после этого разговора.

– Нет, Антонов-сан. В России, в Саратовской области, где я открыл свой последний филиал, у меня тоже есть своя резиденция. Она небольшая, но там всё обставлено в соответствии с нашими традициями и вам, на вашей земле, будет комфортнее.

– Благодарю за любезность.

– Вы ведь говорили, что ваша супруга редко выходит из дома, предпочитая уединённый и размеренный образ жизни – поэтому её никогда не бывает рядом с вами на важных приёмах.

– Это так.

Напрягаюсь, вспоминая, какие ещё отмазки я придумывал до того, как всё же предложить Веронике снова стать моей женой.

– Поэтому я решил пригласить вас туда. Подумал, что у вашей супруги просто может не быть заграничного паспорта. А я во что бы то ни стало, хочу с ней познакомиться. Там мы сможем всё обсудить.

– Хорошо.

Смирненно цежу, хватая со стола перьевую ручку, подаренную совсем недавно одним высокопоставленным компаньоном. Сжимаю её пальцами, мысленно представляя тщедушное тело Ямамото. Втягиваю носом горячий от напряжения воздух.

– Чудесно. Тогда мы будем ожидать вас с супругой в понедельник.

– Мы приедем.

– Я рад это слышать...

Медлит, пытаюсь скрыть своё раздражение от моего нахального звонка выбившего его из привычной размеренной колеи. Издевается, играя как кошка с мышкой.

– И... Антонов-сан, я надеюсь, что вы не откажетесь пожить у нас несколько дней для того, чтобы всё обсудить касаясь контракта?

– Нет...

Хриплю, отчаянно представляя возмущённое личико Вероники, когда я сообщу ей об этом визите вежливости. Сжимаю ручку ещё сильнее, замечая как белеют костяшки пальцев.

– Очень хорошо. Мы будем ждать вас. Встретим как дорогих гостей, по нашим японским обычаям. Что ж, тогда до встречи.

– До свидания.

Отбиваю вызов, содрогнувшись всем телом от мерзкого хруста, заполнившего мой рабочий кабинет. Разжимаю ладонь, стряхивая обломки перьевой ручки с влажных ладоней. Тяжело выдыхаю, расслабляя узел галстука.

Прекрасно знаю, что Вероника захочет меня удушить своими наманикюренными пальчиками после того, что я ей сообщу. Но мышке придётся покориться судьбе и мастерски сыграть свою роль хорошей жены, раз это не удалось у неё в реальной жизни.

И это послужит ей неплохим уроком.

Вероника

Ворочаюсь с боку на бок, пытаюсь уснуть, но это никак не получается. И дело тут даже не в том, что за стенкой – мой уже не бывший муж, а в атмосфере всего дома.

Эти стены как бы почувствовали приезд его хозяйки, погрузив меня в яркую атмосферу воспоминаний. Самых разнообразных, сотканых из тягостных и светлых общих переживаний, маленьких побед и несбывшихся надежд.

Встаю с кровати, подходя к окну.

Быстро одёргиваю тяжёлую штору, распахивая створку. Ночной прохладный воздух вихрем врывается в тёмную спальню для гостей, освещённую бледно-жёлтым светом. По рукам бегут мурашки, рассыпаясь мельчайшими бисеринками по нежной коже. Вдыхаю полной грудью июньский воздух.

Накидываю шёлковый халатик, выходя в коридор. Из-под двери кабинета Никиты сочится яркий свет – значит мужчина, как обычно, ещё работает.

Сердце предательски ёкает, чуть не вывалившись за пределы грудной клетки от нахлынувших воспоминаний. Я почти бегом начинаю спускаться по ступенькам. Вбегаю в мрачную пустынную кухню.

Распахиваю дверцу холодильника, осматривая содержимое белоснежного монстра. Понятно. Никита, как обычно, следит за фигурой – ничего запрещённого, сладостей, фаст-фуда и прочих вкусняшек, которые я втайне поедала от мужа, заходя время от времени в кафе.

Нет, Антонов, как всегда верен себе – несколько бутылок питьевой воды, много фруктов и овощей, а в единственной кастрюльке – овсянка, приготовленная на пару.

Интересно, как он ещё ноги не протянул от такого скудного ассортимента?

Из горла вырывается хриплый стон, а желудок предательски урчит как старый трактор, извещая меня о том, что я сегодня, еще, пожалуй, не ела.

- Что, гамбургеры с картошкой – фри высматриваешь?

Насмешливый голос раздаётся совсем рядом, и я подпрыгиваю от неожиданности.

Разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов. Встречаюсь с пронизательным взглядом бывшего мужа. Таким прямым и настырным что волосы на руках моментально встают дыбом.

Он стоит непозволительно близко и от этой дикой энергетики меня всю потряхивает. В ярких карих глазах играют адские огоньки. Вытворяют какой-то ритуальный танец, который непременно спалит меня дотла. От него веет опасной сексуальностью, от которой я уже однажды потеряла голову.

Я вспоминаю, что не одета. Обхватываю себя руками, не позволяя этому наглому взгляду проникнуть под тонкий халатик.

Он чуть прищуривается, выставляя вперёд ладонь.

Сердце заходится в хаотичном ритме, а мозг посылает ватным ногам слабые импульсы: бежать, бежать, быстрее! Но я остаюсь на месте. Смотрю, как рука бывшего мужа скользит по тонкой шёлковой ткани, и закусываю нижнюю губу в ожидании чего-то большего.

Может, он скажет, наконец, что скучал?

Что понял, что до сих пор любит меня хочет сохранить наш брак любой ценой?

Что эта долгая пятилетняя разлука была самой большой ошибкой?

– Водички хочешь?

Насмешливый бархатный тембр возвращает меня с небес на землю, и я чуть отстраняюсь. Замечаю боковым зрением, как властная рука елозит по полкам холодильника, который я заслонила собой, пока поддавалась каким-то необъяснимым детским мечтам. Раздражённо выдыхаю:

– Нет.

– Ну как хочешь.

Лениво пожимает плечами, будто его мой ответ ничуть не интересует на самом деле. В пальцах Никиты моментально оказывается зажатой бутылка минеральной воды, и он с лёгкостью срывает бледно-синюю крышку.

Начинает пить прозрачную жидкость прямо из горлышка. Не обращает на меня никакого внимания. Пара ледяных капель просачивается сквозь уголок чётко очерченного рта, начиная спускаться по небритому подбородку.

От этого зрелища становится нестерпимо жарко.

Внизу живота скручивается какой-то гордиев узел, вытягивая внутренние органы по струнке. Меня охватывает дикое желание.

Отталкивая Никиту локтем, я практически сбегая с поля боя, хрипя на ходу:

– Спокойной ночи.

– Подожди.

Он властно цепляет меня за локоть, задерживая мой стремительный ход. Привлекает к себе, заставляя посмотреть прямо в глаза.

– Ямамото пригласил нас пожить в своей резиденции.

– Пожить? Мы летим в Японию?

– Не совсем.

Качает головой, отпуская мой локоть. Устало потирает переносицу, и от этого привычного жеста отчаяния мне хочется прижаться к нему. Успокоить, прошептать что-то ободряющее, как и пять лет назад. Но нельзя.

– У него коттедж где-то под Саратовом. В понедельник вылетаем, мой помощник бронирует билеты. Но перед этим ты должна будешь купить всё необходимое

для этой поездки.

- Поняла.

- Вероника?

Я ловлю его сосредоточенный взгляд. Напрягаюсь, готовясь услышать что-то важное.

- Нам придётся жить с тобой в одной спальне в доме Ямамото. Так что готовься полностью играть роль моей не бывшей жены. Улавливаешь мысль?

- Что? На что ты намекаешь?

Дрожь бежит по позвоночнику, разливаясь по лопаткам обжигающей волной. На кухне становится так тихо, что я слышу биение своего сердца, громко ударяющегося об рёбра.

- Только на то, что ты должна будешь вести себя так, как и подобает настоящей супруге. И притворяться, как с оргазмом тут не получится – Акайо сразу распознает фальшивую игру, а мне неприятности не нужны.

- Я никогда не притворялась с тобой в постели!

Зло выкрикиваю, вздёргивая подбородок. Прикусываю язык, понимая, что попалась на эту удочку, поддержав поворот сюжета в ином русле.

- А с другими?

Тихий голос льётся в ночной тишине, проникая в самую душу. Не бывший муж стоит так близко, что я чувствую его тяжёлое мятное дыхание. Оно штопором ввинчивается под кожу. Обжигает каждую клеточку.

- Сколько мужчин у тебя было после меня, Вероника? Делали ли они тебе так же приятно, как и я?

– Тебя это не касается, Антонов!

Разрываю это волнующее прикосновение, отшатываясь в сторону. Вылетаю из кухни, физически ощущая на своей спине цепкий буравящий взгляд, от которого сердце уходит в пятки.

Качаю головой, шепча себе под нос:

– Ни одного, но ты этого никогда не узнаешь...

Глава 7

Вероника

Следующий день я провожу в суматохе – из-за скорого отъезда мне приходится покинуть коттедж Антонова ещё утром, чтобы подобрать гардероб, достойный неформальной бизнес – встречи.

Никита выдал мне платиновую карточку без лимита, не забыв подчеркнуть, что я должна выбрать несколько разнообразных платьев и костюмов, а так же – подобрать к каждому свой комплект драгоценностей и другие аксессуары.

По итогу дня я уже похожа на выжатый лимон – никогда бы не подумала, что бесконечные примерки могут так утомить. Благо, что теперь я была полностью готова к поездке, а в эпицентре дорогих вещей лежит пара комплектов изысканного нижнего белья.

Как их применить – я ещё не решила, но если мне придётся делить с Антоновым спальню или даже кровать – лучше быть во всеоружии, чтобы не допустить серии подколов в свой адрес относительно моего добротного бельишка, сшитого для удобства женщин, а не ради соблазнения мужчин.

Вылет в понедельник утром заставляет меня понервничать. Я долго стою перед зеркалом, не зная, что надеть для длительного перелёта.

Присутствие взвинченного Никиты рядом не добавляет уверенности – он несколько раз перекладывает с места на место свои бумаги, листает неподписанный контракт, пытаюсь удостовериться, что там всё действительно нормально и, наконец, выдыхает. Поднимает на меня усталый, но спокойный взор.

– Готова, мышка? Вылет через три часа, нам лучше поторопиться.

Киваю, пытаюсь растянуть на губах спокойную улыбку. Получается плохо – мужчина это чувствует. Подходит сзади, приобнимая меня за плечи. По-хозяйски, как-то нежно, как будто хочет уберечь от чего-то.

От самого себя, возможно?

Смотрю в зеркало, видя наше совместное отражение. Встречаюсь взглядом с Антоном и перестаю дышать. Вижу, как изменились мы за прошедшие пять лет – стали не похожи на тех влюблённых подростков, которые связали друг друга узами брака. Повзрослели, помудрели, переосмыслили многие вещи и... Стали чужими.

От осознания этого хочется зарыться под одеяло и разрыдаться, но я успешно сглатываю вязкую слюну, вставшую в горле. Проталкиваю её вниз вместе с ворохом проблем, улыбаясь кончиками губ.

Нет, всё нормально, он не должен заметить моего взвинченного состояния. Ему сейчас тоже тяжело – гораздо хуже, чем мне.

– Да, поехали.

Шепчу, отрывая взор от зеркала. Отхожу в сторону, разрывая то невидимое прикосновение двух душ, чтобы потом не было мучительно плохо.

Никита предупредил – наш брак длится только девяносто дней, и по исходу контракта – должен состояться неминуемый развод, со всеми вытекающими

отсюда обстоятельствами. Он вернётся к Регине или, возможно, найдёт себе более интересную девушку, а я – к своему цветочному магазинчику.

– Нам долго лететь?

– Всего полтора часа до Саратова. Там нас встретят люди Ямамото и отвезут в резиденцию. Так что, в общей сложности, часа три-четыре мы будем в дороге.

Нахмуриваюсь, кивая в такт его словам. Закусываю губу, пытаюсь скрыть дрожание рук, и не выдерживаю. Опускаю плечи, обращаясь к своему отражению в зеркале.

– Мне обязательно лететь?

Мужчина оборачивается ко мне. Смотрит пристально, не отводя кофейных глаз от моего лица. Прохаживается по нему вверх-вниз с каким-то удивительным спокойствием, как бы лаская.

– Мышка, ты всё так же боишься летать? Я думал, ты стала храброй после нашего развода.

– Нет. Боюсь.

Почти шепчу, но Никита слышит мой ответ. Подходит ближе, дотрагиваясь указательным пальцем правой щеки. Медлит.

Осторожно скользит вниз, к приоткрытым в напряжении губам. С нажимом проходит по ним, как бы исследуя.

Хриплый вздох вырывается из моего осипшего от напряжения горла и Никита как будто оживает. Одёргивает руку, словно обжегшись.

– Всё будет хорошо, Вероника. Прими свои успокоительные как тогда, перед свадебным путешествием, когда ты полдороги благополучно проспала, и всё будет хорошо. Тем более, тут недалеко.

– Да. Наверное, так и сделаю.

– Умница. Давай, проверь документы и вещи и спускайся. Я буду ждать тебя внизу.

Ореховые глаза вмиг тускнеют, превращаясь в стеклянные льдинки и мне тотчас становится холодно и неудобно, как будто я оказалась голышом на морозе. Машинально обхватываю себя руками за плечи, пытаюсь согреться самостоятельно. Медлю, ожидая ещё чего-то...

Никита опускает взгляд в пушистый ковер, и я прямо чувствую, как между нами вновь вырастает незыблемая стена непонимания и недоверия.

Он разворачивается и уходит, неслышно прикрыв за собой дверь. Оставляет лишь тонкий шлейф муската за собой, даря ещё лишнюю минутку передышки.

Окидываю взглядом комнату для гостей расфокусированным взглядом. Удовлетворённо киваю себе, подхватывая новую сумочку из натуральной кожи. Остальной багаж уже внизу – Никита озаботился обо всём заранее.

Шофёр ловко трогается с места, бросая на меня спокойный почтительный взгляд. Не задаёт никаких вопросов, уверенно крутя рулём по магистрали. То ли женщины Никиты так часто сменяют одна другую, что даже прислуга уже не замечает перемен в жизни хозяина, то ли он отлично вышколен.

Кошусь на Антонова. Он листает в смартфоне ленту новостей, причмокивая при этом губами. Я почти уверена, что он сейчас говорит сам с собой, о чём-то размышляет, обдумывает. Возможно, сожалеет о том, что нам пришлось сойтись снова на какое-то время.

Чуть приподнимаюсь на сидении, заглядывая через плечо не бывшего мужа. Замираю в изумлении, впечатываясь взглядом в знойную шатенку, стоящую на фоне нежно-бирюзового океана. Огромная широкополая шляпка прикрывает пол-лица, но я всё равно узнаю в этой стройной красотке Регину.

Жаркая волна проходит по организму, выворачивая внутренности наизнанку, и я едва не задыхаюсь от неприятных ощущений в грудной клетке. Плюхаюсь назад на сидение, замирая в неестественной позе. До боли закусываю нижнюю губу, пока на языке не размазывается солоноватый металлический привкус.

Эта боль отрезвляет. Позволяет здраво посмотреть на ситуацию. Вспомнить детали нашего с Антоновым контракта. Никаких походов налево и игра в любовь на девяносто дней. Только для достижения поставленных целей.

Ни больше, ни меньше.

А потом у каждого будет свой новый путь.

Пара таблеток – и я спокойно переносу перелёт. Никита был прав – так я смогла забыть и не терзаться паршивыми мыслями до самого приземления в аэропорту Саратова.

Юрист Никиты, седовласый мужчина с аккуратной бородкой по имени Михаил Андреевич, который присутствовал при заключении нашего «липового» контракта, помогает получить багаж. Смотрит на меня исподлобья, как будто изучает дорогой предмет в витрине магазина. Чуть кивает в приветливой улыбке.

– Проходите, Вероника Игоревна. Подождите нас.

Радужно указывает ладонью на металлическую скамеечку, стоящую в отдалении. Становится у движущейся ленты, на которой начинают крутиться разнообразные сумки.

Киваю, устраиваясь на крохотной лавке. Наблюдаю из-под полуопущенных ресниц за Никитой – он по-прежнему елозит пальцем по экрану смартфона, совершенно не интересуясь багажом. Прислоняется к колонне, скрещивая ноги.

В этом тёмно-синем новом костюме он выглядит очень презентабельно, а белоснежная рубашка, накрахмаленная до хруста, бликует в ореховых глазах лучиками света. Его тёмная шевелюра по-модному уложена, а от лёгкой небритости не осталось и следа – кажется, он тщательно подготовился к встрече со своими японскими инвесторами.

Наконец, получив наш багаж, выходим на парковку. Натыкаемся глазами на приветственную табличку с фамилией «Антонов» и подходим к миловидной

японке, одетой в элегантное темно-бордовое платье. Она чуть кланяется нам, расплываясь в искусственной, излишне натянутой улыбке, как будто мы для неё – самые дорогие гости.

– Антонов-сан, прошу вас проследовать за мной.

– Спасибо.

Никита кланяется в ответ, не спуская с девушки внимательных глаз. Кивает нам с Михаилом Андреевичем, жестом показывая следовать за ним.

Через пять минут мы уже едем во внушительном внедорожнике навстречу с Ямамото. Никита сидит на переднем сидении, неотрывно следя за проплывающими мимо пейзажами и время от времени задаёт вопросы на японском, пытаясь казаться вежливым.

Девушка отвечает неохотно – видно, что она с радостью бы погрузилась в свои мысли, но азиатская вежливость не оставляет ей другого выбора.

Михаил Андреевич, сидящий рядом со мной, вообще не обращает внимания на реальность – его же всю захватила какая-то книга на японском языке, которую он начинал изучать ещё в самолёте.

Дорога занимает у нас почти полтора часа, несмотря на то, что девушка ведёт внедорожник очень уверенно, лавируя в потоке машин и практически не снимая ногу с педали газа. Но когда, наконец, перед нами вырастает причудливый заборчик из красного кирпича, я облегчённо выдыхаю.

Никита выходит из автомобиля первым и галантно распахивает дверцу с моей стороны. Властно цепляет за запястье, притягивая к себе.

– Устала?

В этом бархатистом голосе слышится столько неприкрытой заботы и печали, что мне на секунду становится не по себе. Хочется уткнуться в широкую мужскую грудь найти там успокоение, но я вовремя напоминаю себе, что это – лишь игра.

Спокойно киваю, позволяя мужу удерживать свои пальцы в тёплой ладони. Смотрю, как подбежавшие слуги начинают споро доставать наш багаж.

– Антонов-сан, добро пожаловать! Как долетели?

У ворот вырастает крепкая мужская фигура в тёмном костюме, и я поспешно отпрыгиваю от Никиты, как будто нас только что застали на месте преступления. Делаю шаг в сторону, оглядывая хозяина дома.

Акайо Ямамото плечист, среднего телосложения и, если бы не паутина мелких морщинок под глазами, мог бы сойти за нашего ровесника. В его тёмных как печные угольки глазах сквозит какой-то холод, и я инстинктивно сжимаюсь в комок, напоминая снежную бабу.

– Аригато, гэнки дэс.

Никита почтительно кланяется в ответ, разворачиваясь в пол-оборота. Указывает на меня ладонью, переходя на русский язык.

– Позвольте представить, это – моя супруга Вероника.

Настаёт мой черед сложиться в поклоне и японцу это определённо доставляет удовольствие. Тёмные глаза вспыхивают, а губы складываются в приветливую улыбку.

– Добро пожаловать в мой дом! Было сложно, увидев пятно на шкуре представить целого барса, но теперь я знаю, почему Никита скрывал от всех свою красавицу-жену.

Непонятная фраза заставляет щёки вспыхнуть румянцем, а зрачки – расшириться от удовольствия. Всё-таки, японцы – настоящие эстеты, умеющие красиво подать обычные фразы.

Замечаю, как Никита властно цепляет меня за локоть, словно боясь потерять в этом омуте льющейся японской речи, перемешанной с английскими и русскими словами.

– Прошу вас, проходите. Моя жена и дочь уже накрывают на стол. Самое время познакомиться.

Ямамото скользит по дорожке, выложенной жёлтыми кирпичиками, быстро передвигая ноги. Мы с Никитой идём следом, крепко взявшись за руки, как школьники на торжественной линейке.

Я едва успеваю крутить головой, оглядывая красивый цветущий сад, выполненный в японском стиле, и едва не натыкаюсь на мужа, останавливающегося у дверей.

В прихожей нас обслуживает всё та же девушка, взявшая на себя обязанности водителя. Она любезно принимает нашу одежду, показывает, куда поставить уличную обувь и щёлкает пальцами, объясняя прислуге, куда доставить багаж.

Она не выглядит простой служанкой – в этих жестах столько благородства и почтительности, что хватило бы на пятерых, но вместе с этим её глаза почти всегда опущены в пол, выражая полную смиренность с происходящим.

Из моей сумочки доносится требовательный вибросигнал, и я поспешно провожу пальцем по смартфону. Пробегаю глазами по экрану. Хмурюсь.

Никита наклоняется. Прижимается властными губами к моей щеке, имитируя нежный поцелуй. Заставляет взглянуть на себя с оторопью. Хрипит еле слышно.

– Убери телефон, мышка. Сейчас не время.

– Но это Юля. Просит ей позвонить. Вдруг, что-то важное, насчёт моего киоска?

Лепечу, отстраняясь от мужа. Стараюсь не показывать своего смущения – вдруг за нами кто-то наблюдает. Вспоминаю, что должна играть любовь на людях.

Антонов властно притягивает меня за талию. Вынимает смартфон из рук. Прячет в карман своих брюк, расплываясь в наглой улыбке.

– Потом позвонишь. Не срывай мне первое впечатление, Вероника.

Глава 8

Вероника

Акайо проводит нас в гостиную, обводя сухой ладонью белоснежный диван на резных ножках.

- Присаживайтесь. Не желаете ли выпить?

- Спасибо, мы с Вероникой практически не употребляем спиртное.

- Кто пьёт, тот не знает о вреде вина. Кто не пьёт, тот не знает о его пользе.

Японец выжидательно поднимает указательный палец вверх. Привлекает всеобщее внимание, выдерживая театральную паузу.

- Но я услышал вас, Антонов-сан. И уважаю ваш выбор.

Михаил Андреевич тихо пристраивается на краешке софы, всем своим видом показывая, что всё происходящее его несколько не волнует.

- Благодарим за гостеприимство.

Никита отвечает за нас обоих, властно удерживая мои пальцы в жаркой руке.

Вдёргивает подбородок вверх, сверля хозяина особняка пронзительным взглядом, и я вижу, как Акайо склоняет голову в лёгком поклоне. Его тонкие губы трогает лёгкая улыбка, приподнимая уголки рта.

Он расслабляется. Хлопает в ладоши, смотря куда-то вдаль, и тут же в комнату входят две японки. Одна - всё та же девушка, что любезно встретила нас в аэропорту и доставила к Ямамото, а вторая - чуть старше, с уставшим взглядом

на сухом безжизненном лице.

- Хочу представить вам мою жену, Эми, и дочь - Минами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/bessmertnaya_mayya/ne-byvshaya-zhena-millionera

надано

Прочитайте эту книгу целиком, купивши полную легальную версию: [Купити](#)